

Александр ЛАЙКОВ:
«ЧТОБ В КРУГ СОБИРАЛИСЬ ПОЭТЫ!»

* * *

В моём краю в ярырастают вербы,
А в корни верб – стальные якоря.
В белёных трубах воют злые ветры,
И жизнь хранят сугробы января.

Как ржавый бинт, рывком сорви коросту,
Заройся в снег по локоть – и замри! –
Почувствуешь, как маленький отросток
Толкается в ладошку от земли.

Пускай живет и греется до срока.
Зачем губить зародыш вербы зря?
Его судьба прекрасна и жестока –
Держать корнями в бурю якоря!

* * *

Я с трудом размыкаю капкан немоты,
Не могу докричаться до ровней своих...

А на Красном бугре вырастают кресты
Закадычных друзей — одногодков моих.

Ах, какие все были они пацаны!
Но спились иль погибли в разборке крутой...
Мы – последние дети великой страны.
Это кто там стоит у обрыва с клюкой?

Лейтенанту в походах не жмут сапоги:
Он в боях пол-Кавказа прошёл без дорог
И в Чечне схоронил половину ноги,
Но безногий сапог, как зеницу, берёт...

Я оглох от словесной пальбы и вранья,
От казённых бумаг леденеет висок...
На колхозных полях – караван воронья,
Да седую полынь заметает песок.

На лугах у Икрянки растёт лебеда.
На корявых дорогах – удушливый смог...
И опять я шагаю, видать, не туда.
А куда, если ерик совсем пересох?!

Есть примета, что много грибов не к добру:
Будет много гробов и семейных утрат.
...Это кто там стоит на кручёном яру –
Мой двойник, лейтенант или маленький брат?!

* * *

Анатолию Чеснокову

Я в прошлом столетии печь затопил -
Завыла чугунная вьюшка!
Дымком потянуло до самых стропил,
И брагой заполнилась кружка.

А угли с шипеньем стреляли к ногам,
Как брызги ядерной вишневки!
И, босый, молился с похмелья снегам
Кудрявый поэт из Теньковки.

Замерзнешь, дружище! Ступай-ка ты в дом,
Согрей свою душу и тело...
Опять по России раздор и содом,
И тьма беснянт налетела.

Но рано нам мерить терновый венок,
Обжегшись о холодность мира:
За нами – Россия! Языков и Блок,
И Пушкина звонкая лира!

Подкинем поленьев, чтоб дым к небесам,
Чтоб в стужу запели капли!
А утром поклонимся древним местам,
Где вечнозелёные ели.

А самая старшая память хранит
О встрече друзей достоверно.
...Истлеют дискетки и рухнет гранит,
Одно только Слово – бессмертно!

Ты слышишь, дружище, певучую речь?
Не все еще песни допеты!
Кудрявый потомок затопит нам печь,
Чтоб в круг собирались поэты!

* * *

Александру Дашко

Я наелся ягод волчьих.
Стал, как волк, матёр.
Посреди заветных строчек
Запалил костёр.

Здравствуй, Волга, бакен-пеленг,
И столетний вяз,
С камышом в кувшинках ерик!..
Я сегодня – ваш!

Там, где был я, мир порочен,
Город – нелюдим.
Кто-то плачет, кто хохочет,
Кто-то пьяный в дым.

Кто обрывом, там, где омут,
Два шага – и вниз...
Не рассказывай другому
Про такую жизнь!

Про утраченную нежность
К деревьям и псам,
Как бродил я, безутешен,
По глухим лесам.

Как зверел в плену бессонниц,
Как, бывало, пил...
Не предал друзей и совесть,
И кого любил!

А вот к небу был причастен:
Я – рыбацкий внук,
Заселял, как Бог, – Прикаспий
Малышнёй белуг!

В ПВО, на дальней «точке»,
Был судьбой храним.
...Я хочу не ягод волчьих –
Горсточку рябин!

НОСТАЛЬГИЯ

Это осень, мама, осень.
Иней на листве.
И роятся мысли-осы
В буйной голове.

Облетает рыжий волос –
Плата за стихи.
И, как будто расколось,
Сердце от тоски.

Вспоминаю Волгу, вербы,
Первые слова...
Как давно я дома не был,
Не колол дрова!

Сор в глаза и драйв по нервам!..
Но назло врагам
Остаюсь, как бакен, верным
Здесьним берегам!

Здесь – цветы живые в банке –
Память о сестре.
Я поправлю фото в рамке

На седом бугре...

А года бегут, как поезд,
И резвей коня!
Но чиста душа и совесть
В чёрной злобе дня.

Здесь – печаль моя и радость,
Горе от ума,
И любовь с горчинкой малость,
Посох да сума.

Сколько я сапог протопал
Пешим по Руси!
Жди меня, дружище-тополь,
Вишня, не грусти!

Завтра к отчему порогу
Выйду на заре.
...По утрам знобит немного –
Осень на дворе.

* * *

От рожденья до вечности
Только Родины свет!
Вновь за окнами плещется
Волга в сизый рассвет.

И туман над осокою
Вяжет млечный узор...
Мне бы кречетом-соколом
На отеческий двор!

Там под шиферной крышею
Распевает скворец.
Под раскидистой вишнею
Вяжет снасти отец.

Там у мостика с яликом
Рай для жёлтых утят,
Пахнет морем и яблоком,
И золою утрат.

Там под сливой на лавочке
Я девчат целовал!

Мама, милая мамочка,
Ставь скорей самовар.

Мы нащёлкаем чурочек,
Чтобы круче был чай,
Прибауткою-шуточкой
Всю разгоним печаль.

По обычаю веником
Подметём у ворот.
Над Икрянкою-ериком
Красно солнце замрёт.

И, подковами цокая,
Конь взлетит на бугор!
...Мне бы кречетом-соколом
На отеческий двор!

В ИКРЯНОМ

Отечества и дым
Нам сладок и приятен!
Гавриил Державин

Вот опять я босой, без рубашки и кепки,
В жаркий полдень стою на пригорке крутом,
Где мои православные русые предки
Всей артелью над Волгой поставили дом.

Стал посёлок намного уютней и краше!
И, как век, опалённый тугим кумачом,
Обложился по самые древние крыши
Красно-бурым и белым кой-где кирпичом.

На высоких верандах – корзины черешен.
Не в печах, а в духовках пекут пироги.
Красотища кругом! Да не видно скворечен,
И беднее уловы из вечной реки...

Отступает вода. Дальний берег всё ближе.
Все слышней над раkitником гомон грачат!
А над жёлтым песком головёнки мальчишек,
Точно крепкие шляпки опёнков торчат!

Зной густеет, как сок передавленной сливы.
Выгорает трава вдоль седых берегов...

По горячей тропе я спускаюсь к заливу,
В голубую прохладу, как в толщу веков.

Все печали мои, как рукою снимает,
Утишается боль, отступает беда!
Кто сказал, что живою вода не бывает?
В речках детства осталась живая вода!

Я наплаваюсь всласть и взойду на пригорок
Просветлённым душой и таким молодым!
... Дым Отечества сладок, приятен и горек.
Только где он, Отечества сладостный дым?

По-над Волгой туман. Красный бакен мигает
Догорающим углем в древесной золе...
Клён печально шумит – клён меня понимает,
Прикипая корнями к родимой земле.

ПРИМЕТА

Когда под моряной пружинили ветки,
И волны качали изменчивый мир,
Я бросил на стрежень три звонких монетки,
Чтоб снова вернуться к реке Бахтемир.

Чтоб снова увидеть морские разливы,
По берегу детства пройти босиком...
Услышать, как в сумерках падают сливы,
И гуси на Каспий летят косяком.

Чтоб вспомнить друзей закадычных ватагу,
Футбольные страсти и знойную тишь...
Но там, где купал я гнедую конягу,
В протоке шумит шелопутный камыш.

Белёсые чайки похожи на плавки,
Рыбацкие шляпки гребут по волнам.
И вечный трудяга – знакомый мой бакен,
Рисует фарватер гудящим судам.

Я помню: под вётлами дымно и жарко,
Мы смолим бударку с умелым отцом.
...Где вётлы и добрая наша бударка?
Спилили тутник у ворот, за крыльцом...

Под ним мы в обнимку с девчонкой сидели,
Всё было впервые и сложно у нас.
И сердце стучало на самом пределе,
Как севший на мель одинокий баркас.

...Гуляет моряна, и сушатся сетки.
И чалится к пирсу могучий паром.
А я уезжаю. Бросаю монетки...
И белая лебедь мне машет крылом!

ПЕРВОКЛАССНИЦА

Мама мыла раму.

Из «Букваря»

Над городом курлычат журавли,
Как будто им пространства мало!
А первоклашки смотрят в «Буквари»
И по слогам читают: «Ма-ма».

О, сколько им явлений суждено
Открыть за школьную программу!
...Осенний дождик тренькает в окно,
А Маша снова моет раму.

И сиротливо смотрят из угла
Забывтый мяч и кукла Барби.
А школьница вертлява, как юла,
Косички прыгают по парте.

Сосед за бантик дернул не со зла
В порыве детского азарта...
Девчонка неуклюжа и мала,
Но расцветёт ещё внезапно!

Семь раз с деревьев облетит листва
И возвратится вновь на ветви,
Когда мальчишка вымолвит слова,
Которых чище нет на свете!

Отведает печалей сентября
И горечь школьного романа...
И всё опять начнется с «Букваря»,
Где по слогам читают: «Ма-ма!»

ПОРТРЕТ

Было молодо-зелено,
А теперь уже – дед!
И смотрю я растеряно
На знакомый портрет.

Всё я знаю до чёрточки
От прыщей до усов...
Осень веет из форточки
Желтизною лесов.

Облаками припудренный
Догорает восток.
Мне и сладко, и муторно!
Время гладит висок...

А на карточке матовой
Мне четырнадцать лет.
Я такой невнимательный,
Озорник и... поэт!

Там любовь моя первая,
Стук в окно и сирень...
Но смотрю я уверенно –
Брюки-клёш и... ремень!

С калмычатами лазаю
В сад, где горький ранет.
Там – Европа и Азия,
А Америки – нет!

Голос времени слушаю,
Ко всему я привык...
- Наша Родина – лучшая!-
Внучка мне говорит.

С ней я в полном согласии,
Но ворчу, как сверчок...
Замечаю на лацкане
Комсомольский значок!

К чёрту, сивую бороду,
Не желаю стареть!
И смотрю я по-доброму
На знакомый портрет.

Начинается год високосный
С лютой стужи и горьких утрат.
На холме коченеющем сосны
В карауле почётном стоят.

Шебаршит в опереньях смолистых,
Как слеза, замерзающий сок.
Индевеющий снег с обелисков
Налипает свинцом на висок.

Что же делать, мой пламенный лирик?
Сколько было бессрочных разлук!
Может, скоро и мне панегирик
Пропоёт мой испытанный друг.

Все мы смертны: дурак или гений.
К неизбежному душу готовь!
Грех зачатья и мрак заблуждений
На земле искупает любовь.

Я любил! И юнцом безмятежным
Всласть напился медовых отрав.
...Кто там бродит над холмиком снежным
За калёным железом оград?

Я почти кришнаид или мистик,
Хоть крещёный в купели, кажись...
Верю в логику нажитых истин
И чуть-чуть в запредельную жизнь.

В мир пернатых, зверей и растений
Все уходим в назначенный срок.
Может быть, я былинкой весенней
Прорасту на скрещенье дорог.

Поклонюсь я Наталье прекрасной:
И в астрале мне станут милей
Две дочурки – два солнышка ясных –
Продолженье кровинки моей!

ЯНВАРСКИЕ НОЧИ

Январские ночи студёны и долги.

Луна налипает на стёкла фрамуги,
И сыплется хвоя с божественной ёлки,
Как будто заколки с причёски подруги.

И тикают ходики возле гардины,
И капает ямбом вода из-под крана,
Как звонкая рифма великой Марины –
Слегка приглушённо, морозно и странно.

Воркует голубкой вода в батарее.
Тепло и уютно. Все в доме уснули.
Янтарною каплей густой акварели
Мерцает нарядное платье на стуле.

Но дышат соблазном другие картины,
Старинные вальсы, бенгальские свечи,
И вкуса прогорклой осенней калины
Открытые томно роскошные плечи!

Все было и будет прекрасно и мудро:
И ёлки, и вальсы, и шорохи снега!
Январь истекает. За окнами утро.
И длится любовь до скончания века.

* * *

Опять осенняя хандра,
Туман безденежья...
И небо пасмурно с утра –
Куда тут денешься?

Сидишь в потёмках, как в кино,
Сердечко мается.
А мне бы солнышка в окно,
Хоть самой малости!

Дождинки тренькают в стекло
Гитарным тремоло.
Уже с карниза натекло –
Но это временно.

Тускнеют краски октября,
Деревья в инее.
И дышит лист календаря
Погодкой зимнею.

Суровой стужею – январь,
Февраль – метелицей...
Хандра, безденежье, печаль, –
Всё перемелится.

Ударит первая гроза,
Взойдут подснежники.
И я взгляну в твои глаза,
Такие нежные!

Растопит холодок в крови
Лучами вешними.
И губы влажные твои
Запахнут вишнями!

ОСЕННЯЯ БЕССОННИЦА

Не любви я, а бессонницы
В эту осень достоин.
От луны светлеет в горнице,
Пахнет кофе и покоем.

Одиночеством и вечностью,
Вперемешку с алкоголем...
Мы с компьютером доверчиво
До рассвета поглаголим.

Здравствуй, сущность виртуальная,
Где себя я значу Богом!
Наберу с тоской: «Икряное» –
И повеет в полночь Волгой.

Захочу – добавлю снежности,
Запущу в кота лимоном!
...Не хватает женской нежности
В этом сумраке лиловом.

Но, когда я трону клавиши,
Словно струны с перебором,
На дисплее вдруг покажется
Та, которой очарован.

Я зову её отчаяно!
Жаль, что это виртуальность...
Наши кольца обручальные

Отзвенели в прошлый август.

Не любви я, а бессонницы
В эту осень достоин.
Только ночь – моя сторонница,
Только ночью я свободен.

* * *

Ты меня никогда не забудешь...
Андрей Вознесенский

Ты меня никогда не любила.
Намекала: «Потом полюблю!»
И, когда угасало Светило,
Снизошла на погибель мою.

А глазищи — зелёного цвета,
Плечи — зной астраханского дня...
Берегиня, - почти не одета, -
Ты зачем искушала меня?

Обо всём мы друг другу сказали
Накануне греха и мечты.
Так зачем ты, как ведьма босая,
Наводила обратно мосты?

А потом, когда звёзды мигали,
И краснела на небе луна,
Ты зачем утопила в бокале
Обручальные кольца до дна?

А, когда на старинном серванте
Отсчитала кукушка года,
Ты зачем упорхнула из платья
Из последних одежд, без стыда?

«Ничего не рассказывай маме», -
Ты шептала, обычай храня...
Но зачем растворилась в тумане
На крылечке, целуя меня?!

Я по тебе скучаю,
Как смычок по скерцо.
Паучок печали

Заползает в сердце.

Стали дни тоскливы
И бессонны ночи...
И горчит калиной
Золотая осень.

Больше не услышу:
«Милый мой... Хороший!»
Больше не увижу
Сарафан в горошек,

Очи-ежевички, –
Аж, ползут мурашки! –
Солнечные блики
В озорных кудряшках.

Опадают листья
В ледяную заводь...
Я твои сжёг письма.
А куда деть память?!

* * *

НАТАШЕ

Пожинаю, что посеял:
Лишь бессонницу да песни.
Закружил норд-вест осенний
И принёс худые вести.

Мама пишет, что болеет,
И неладно с младшим братом.
...За окном проспект темнеет,
Пахнет хвоей и асфальтом.

Город спит, умытый ливнем,
От луны на лужах глянец.
Я один, как белый филин,
Со словами ночью маюсь.

Ноутбук погас, мигая,
Затерялась где-то флешка...
У меня судьба такая:
То орлом парит, то решка.

Седину твою заметил.
Это мне намёк на старость.
Сколько лет с тобою вместе,
Как бы заново рождаюсь?!

Славно пелось нам вначале.
И не хмурь напрасно брови! –
Я все беды и печали
Врачевал твоей любовью.

Отзвенело в сотах лето,
Мёд горчит и вяжет малость...
Пусть все песни канут в Лету,
Я навек с тобой останусь!

Уже пора задуматься о Боге,
Когда друзья уходят в небеса...
В часы печали, гнева и тревоги,
Я узнаю родные голоса.

Я вспоминаю дружеские встречи
И наше пребыванье на земле!
Симбирск, Свягу и костёр у речки,
Картошку испечённую в золе...

Мозоли первые, застольные аккорды
И «красное» число календаря,
Где паруса, как листья, были стёрты
Холодными штормами ноября.

Судьба сплела в клубок противоречий
Безденежье и золото на крови,
Седой Кавказ и доблестные речи
О Родине, о славе, о любви!

Стучалась стройка в купол небосвода,
А в деревнях всходила лебеда.
Высоцкий пел – кумир всего народа,
И лозунг звал куда-то не туда...

А я в огромном неуютном мире
Хранил очаг и детское «а-гу!»,
Читал стихи в прокуренном трактире
О яблонях на волжском берегу.

Я был, как Маугли, в чужой эпохе,
Как белый лебедь рвался в небеса...
Уже пора задуматься о Боге:
Зовут в свой круг родные голоса.

ВОРОБЕЙ

Я когда-нибудь стану растением,
Перейду в шелестенье страниц.
Приходи ко мне в полдень весенний,
С молодым топольком обнимись!

И почувствуй, как бродит по порам
В ритме пульса живительный сок.
Рвутся почки, и слышится шорох,
Нарожденных до времени строк.

В прошлой жизни я был человеком,
Не имевшим доходных рублей.
На моих перепутанных ветках
Поселился смешной воробей.

Все чирикает: зной или дождик.
Даже вьюга ему нипочём!
Может быть, он опальный художник
С городских позабытых трущоб?

Я поэт, не поладивший с веком,
И отнюдь не плебейских кровей.
В прошлой жизни я был человеком.
Почирикаем, брат-воробей?

ПОД ЗНАКОМ ВОДОЛЕЯ

За окошком метель, как молочная пенка,
Накрывает кварталы, дороги и лес.
И луна, как забытая Богом копейка,
Одиноко мерцает в копилке небес.

Ветер ломится в щель задубевшей фрамуги
И скулит, как щенок, потерявший сосок...
Я – февральский, дитя непогоды и вьюги!
Вечный снег налипает свинцом на висок.

Что же делать? Бессмертья не будет – вы бросьте! –
Но останется лунный и солнечный след...
Вот февраль, куржавелый, пожаловал в гости,
Чтоб напомнить, зачем я родился на свет.

Зимородок судьбы, я не рвался в герои,
Рифмой тронул всего лишь с десяток сердец...
А Россию люблю я до капельки крови,
Как в боях до Берлина дошедший отец.

В журавлином строю хватит места солдатам.
Беловежский разлом зарастает травой...
Но смертельную боль от сапёрной лопаты
Чую я поседевшей своей головой!

Будто кони летят, окаянные годы,
Ложь ликует, и рвётся убойно тротил...
И шатается твердь, и волнуются воды,
Третий Ангел над миром уже вострубил!

Перед вечным забвением, на краешке века,
Я покаюсь во всех поднебесных грехах...
И Господь изречёт: «Возлюби человека!
Остальное – тщета или пепел и прах».

И, когда я уйду – белый свет не померкнет! –
Крест дубовый мой путь увенчает земной...
Кто я есть и кем был на земле своих предков?
Да пребудет земля эта вечно со мной!

РУССКИЕ ПОЭТЫ

Баню натопил стихами...

Павел Радочинский

Не топите баньку горькими стихами:
Рукописи, знаю, не сгорят дотла...
Помню, как на зорьке вместе с петухами
В мокром палисаднике вишня расцвела!

Мы с тобою русские, а не самураи.
Не бросайте рифмы в топку для огня!
Нас не развращали в глянцево-м журнале –
Веником берёзовым парила родня!

Угли вороные тлеют в поддувале,

В ковшике на доньшке греется луна...
Сторона родимая! Сколько повидали!
А стихи крамольные – горе от ума.

Плещутся метафоры в медном самоваре,
В мокром палисаднике вишня расцвела...
Ах, какие барышни здесь нас целовали!
Мы поэты русские – вот и все дела.